

К. В. Сак**Дневники великого князя Константина Константиновича
как памятник духовной культуры России
второй половины XIX – начала XX в.**

В настоящее время Дом Романовых и его представители вызывают особый интерес у исследователей истории России. Во многом это связано с появившейся не так давно возможностью пользоваться архивными документами императорской фамилии, которые по идеологическим причинам были недоступны в советское время. Однако большая часть материалов до сих пор не введена в научный оборот. К ним относятся неопубликованные дневники великого князя Константина Константиновича. Они использовались в исторических работах фрагментарно, в основном, для иллюстрации событий прошлого, что умаляет ценность содержащихся в них сведений. В то же время сами дневники представляют собой уникальный памятник духовной культуры эпохи, в которую они были созданы.

Мемуарный жанр, включающий в себя как воспоминания, так и дневники, возник в России еще в эпоху петровских реформ и был связан с самоопределением личности. Но если в XVIII в. мемуары отражали, главным образом, быт семьи и не предназначались для публикации, то в первой трети XIX в. мемуары начали восприниматься как средство «познания обществом своего прошлого». Воспоминания и дневники «пишутся с ясным пониманием возможности их использования в качестве источников будущим историком, расчет на которого органически включается в целевую установку мемуаротворчества»¹. Именно в это время в Императорской фамилии укрепилась традиция ведения дневников. Возникла она по инициативе императрицы Марии Федоровны. Ее сын, будущий император Николай I, вел дневники неохотно, но, понимая их ценность, приучал к этому своих детей. Так, великий князь Константин Николаевич вел дневники и привил любовь к ним своему сыну Константину. Специальных исследований, посвященных изучению традиции ведения дневников в Императорской фамилии, нет. В данной статье рассматриваются обстоятельства создания и цели написания дневников великим князем Константином Константиновичем и определяется их особое место в мемуарном наследии членов Дома Романовых.

Великий князь Константин Константинович был одним из выдающихся членов династии Романовых и известным государственным деятелем рубежа XIX – XX вв. Он родился 10 августа 1858 г. в семье великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. Его отец, младший брат Александра II, внес весомый вклад в разработку и проведение Великих реформ. Своего сына августейший контр-адмирал готовил к военно-морской службе, однако Константин Константинович избрал для себя другой путь. С разрешения Александра III в 1884 г. он перешел в армию, где сделал типичную для великих князей военную карьеру.

Сак Ксения Васильевна, аспирант МГУ им.и М.В. Ломоносова. Эл. почта: ksenia.sak@gmail.com

¹ *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 13.

Ее вершиной для Константина Константиновича стала должность главного инспектора военно-учебных заведений. Основным же увлечением великого князя была наука и искусство. Своим современникам он был известен как президент Императорской Академии наук и поэт «К.Р.». Константин Константинович получил разностороннее образование и обладал широким кругозором. Великий князь, находясь в кругу императорской фамилии и общаясь с крупнейшими государственными деятелями, был непосредственным участником многих политических и социальных перемен рубежа веков. Будучи человеком неравнодушным, любящим Родину, проникательным и наблюдательным, он тонко воспринимал атмосферу времени. Свои мысли и чувства на протяжении всей жизни Константин Константинович подробно описывал в дневниках. Основной массив документов Константина Константиновича хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации и Пушкинского дома. Менее значительная по объему часть документов находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в «Собрании материалов из дворцовых библиотек», Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве литературы и искусства¹. Дневники великого князя хранятся в ГАРФ в составе его личного фонда № 660. После смерти их автора они попали в архив Академии наук, где в 1917 г. Альфред Людвигович Бем составил охранную опись². После Октябрьской революции 1917 г. для формирования личного фонда Константина Константиновича большое значение имели декреты СНК и ВЦИК 1923 г. «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции и лиц, эмигрировавших после 1917 г.» и «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых (бывшей царской фамилии) и некоторых других лиц». В 1929 г. в связи с упразднением в Архиве Октябрьской революции «отдела падения старого режима» документы были переданы в Московское отделение Центрального исторического архива РСФСР. С 1934 г. они хранились в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи, затем с 1941 г. в Центральном государственном историческом архиве СССР в г. Москве. После его ликвидации в 1961 г. они вошли в состав Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, переименованного в 1992 г. в Государственный архив Российской Федерации³.

В настоящее время в ГАРФ из указанных в описи А.Л. Бема 66 дневников хранятся 64 книги. Одна книга, записи которой охватывали период с 22 сентября 1913 г. по 28 июля 1914 г., была утеряна вместе с остальным багажом в Германии при отправлении великого князя в Россию после объявления Первой мировой войны. Министерство иностранных дел предпринимало попытки разыскать дневник,

¹ Лобашкова Т.А. Из истории формирования личного фонда великого князя Константина Константиновича. // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 20–21.

² Бем А.Л. Рукописи великого князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в рукописное отделение библиотеки Академии Наук (Охранная опись) // Известия Академии Наук. П. г., 1917. Серия VI. Т. 11. № 11.

³ Лобашкова Т.А. Из истории формирования личного фонда великого князя Константина Константиновича // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 20–21.

но Февральская революция 1917 г. положила конец поискам¹. Второй утерянный дневник освещал события первой половины 1881 г. В феврале 1884 г. великий князь решил систематизировать заполненные им тетради. В пронумерованном им же 23 по описи дневнике он оставил запись, что вместе с этой книгой у него 24 дневника². Следовательно, один дневник был утерян до 1884 г., и можно смело предположить, что это тетрадь за первую половину 1881 г., написанная им во время учебного плавания по Средиземному морю. Это подтверждает и сделанная им в 1887 г. запись о том, что с 1 января 1874 г. и «по сей день», то есть 14 февраля, в его дневниках освещен весь указанный промежуток времени³.

Великий князь вел дневник с 11 лет и до конца своей жизни, с 1870 г. по 1915 г. Первую тетрадь он получил в подарок на именины от отца накануне первого учебного плавания: «Сегодня мои именины. Папа подарил мне этот журнал, чтобы я начал в нем писать, когда я буду в море. Я и начал писать в нем с 4 июня»⁴. Книги для дневников изготавливались на заказ. Они представляют собой линованные тетради в твердом кожаном коричневом переплете с разным числом страниц и с металлическими замками. Нумерация страниц до 28 книги отсутствует, листы подписаны сотрудниками архива. С 29 книги Константин Константинович сам нумерует страницы. В одних дневниках присутствует как нумерация автора, так и нумерация архивистов, а в других – только Константин Константиновича. Чаще всего он использовал черные чернила. Когда они кончались, то он писал синими. Такие записи бледные и трудно читаются.

Первые два дневника Константин Константинович вел пять лет. Они отличаются от всех остальных множеством детских рисунков: например, как он принимает ванну, стрижет волосы, спит на кровати, под которой стоит ночной горшок, и другие. Записи в них не систематичны, с большими временными промежутками. С конца 70-х гг. XIX в. автор заносил в дневник свои мысли ежедневно, за редким исключением, связанным с усталостью и нехваткой времени. В таких случаях он воспроизводил свои впечатления по памяти в другой день, поэтому числа в дневнике не всегда соответствуют дате описываемого события. Кроме того, часто, стремясь восполнить пробелы, «К.Р.» записывал происшедшие события за день только конспективно. Однажды он с раздражением написал по этому поводу: «Невозможно вести свои ежедневные записи так, как вчера: это перечень будничных подробностей, никому не нужный протокол. Уже лучше ничего не писать, чем писать только для того, чтобы отделаться. Но я педант, и не могу совсем не писать, даже когда не хочется, времени мало и торопишься»⁵. В дневниках встречаются и несоответствия в указании на время. Так, в 1886 г. великий князь отметил, что Константин Николаевич праздновал в Мраморном дворце двадцатилетие отмены крепостного права, в то время как это было двадцатипятилетие. В зрелом возрасте великий князь старался уместить в один

¹ Лобашкова Т.А. Из истории формирования личного фонда великого князя Константина Константиновича // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 20–21.

² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 23. Л. 94.

³ Там же. Д. 31. Л. 7 (13).

⁴ Там же. Д. 3а. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 44. Л. 89.

дневник описания за один год. Исключение составляют дневники, написанные в критические для России периоды. Например, за время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1907 гг. он написал семь дневников.

Дочь великого князя, Вера Константиновна, вспоминала о дневниках отца: «Отец писал дневник в толстых книжках в желто-коричневом кожаном переплете. Вклеивал в них красивые открытки в красках и занимательные фотографии. Говорил мне: "Все пишут дневники, но это будет редкий, иллюстрированный дневник"»¹. Большую часть иллюстраций в дневнике, действительно, составляют открытки. Это, прежде всего, поздравления с церковными праздниками – Рождеством и Пасхой. Например, на одной из них под надписью «Христос Воскресе» изображены курица с цыплятами на деревенском дворе. Возле каждой птицы рукою великого князя Константина Константиновича поставлен номер, а в дневнике пояснение: оказывается, это его жена и дети. Значительную часть вклеек составляют меню, афиши офицерских собраний и спектаклей. В основном, это репертуар Измайловских досугов, автором которых был великий князь, и программы домашних театральных постановок. Есть в дневнике и фотографии. Редко можно встретить газетные вклейки – о рождении и смерти членов императорской фамилии и о новых назначениях. Между страницами встречаются засушенные цветы. В дневнике же появляются его первые стихи.

О дневниках великого князя Константина Константиновича знали не только члены его семьи, но и сослуживцы. Например, в воспоминаниях кадета А.Д. Бутовского имеются следующие сведения: «Покончив с делами, он раскрывал свой дневник и записывал в него то, чего не успевал записывать в дни осмотра заведения. Он так привык правильно вести ежедневные записи, что иногда со вздохом говорил нам о пропущенных им в дневнике числах /.../ У него на письменном столе лежит его дневник, а на нем Евангелие»². Как видим, ведение дневников со времени для Константина Константиновича стало привычкой. Он часто описывал малозначительные события лишь для того, чтобы день был отмечен в дневнике и не было пропусков. Но благодаря этому его тетради, с одной стороны, освещают все крупнейшие события истории России, очевидцем которых он был, с другой, дают возможность увидеть жизнь представителя правящей Династии в малейших ее деталях.

Константин Константинович предполагал, что в дальнейшем после его смерти дневники будут опубликованы и станут доступными широкому кругу читателей. В его завещании сказано: «Ни ближайшим моим родным, ни посторонним не предоставляю права читать мой дневник в течении девяносто (90) лет по моей кончине. По прошествии этого срока, по усмотрению Академии, но не иначе, как

¹ *Вера Константиновна*, княжна. Отрывки из семейных воспоминаний // Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэта КР. Париж, 1962. С. 63.

² *Бутовский А.Д.* В вагоне Главного Начальника // Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэта КР. Париж, 1962. С. 100–103.

с благословения царствующего Государя Императора и с согласия старейшего из прямых моих потомков, дневник мой, частями или полностью, может быть напечатан»¹.

Таким образом, публикация дневников с согласия великого князя должна была начаться лишь с 2005 г. Однако первые выдержки из дневников о Первой русской революции 1905–1907 гг. были опубликованы уже в 1930 г. в журнале «Красный архив»². Публикация представляла собой отрывки из ежедневных записей, отобранные по усмотрению редакции журнала. За последние несколько лет также были опубликованы выдержки из великокняжеских дневников и часть переписки³.

Константин Константинович включил в свое завещание распоряжение о публикации дневников не случайно. В ежедневных записях неоднократно встречаются его мысли о том, что дневники вызовут интерес у будущих поколений и позволят читателям прикоснуться к его миру: «Так же, как я не хотел бы давать читать его при своей жизни, так же точно я желаю, чтобы его читали и перечитывали после моей смерти те, которым будет любопытно заглянуть в мою внутреннюю жизнь»⁴. Тем не менее, Константин Константинович делал оговорку, что это не повлияет на искренность в изложении фактов. Действительно, он не стыдился описывать в дневнике самые интимные подробности своей жизни, объясняя такую откровенность тем, что на «том свете» всё тайное всё равно станет явным: «Не знаю, как поднялась моя рука написать все это. Я знаю, что мой дневник достанется потомству – но не стыжусь этого. Все равно, на страшном суде все узнается»⁵. Записи заметно меняются после его свадьбы в 1883 г. На протяжении нескольких лет они более формальны, описания внутренних сомнений сводятся к минимуму. Свое молчание Константин Константинович объяснял тем, что был не в праве «носить на бумагу» то, чего он не мог высказать своей жене, великой княгине Елизавете Маврикиевне⁶.

Если говорить о внутреннем мире автора, отраженном в дневниках, то это, прежде всего, его религиозные переживания, любовные чувства, отношения в семье, мысли о своем призвании и поэтическом таланте. Любопытно свидетельство,

¹ Цит. по: *Лобашкова Т.А.* Из истории формирования личного фонда великого князя Константина Константиновича // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 21.

² Из дневника Константина Романова. С предисл. Н. Лапина // Красный архив. 1930. Т. 43 (6), 44 (1), 45 (2).

³ Загадка К.Р.: Из дневников Великого князя К.К. Романова // Москва. М., 1994. № 6. С. 130–137; «С сердечной и глубокой благодарностью...»: (Письма великого князя Константина Константиновича академику Ф.Е. Коршу) // Отечественный архив. М., 1994. № 5. С. 98–104; Из завещания Великого князя Константина Константиновича // Новый журнал. Спб., 1995. № 2. С. 113–120; Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Письма. Стихи. М., 1998; «... При этом воспитании являются решительно другие люди...»: (Письма сыновей и их учителей великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне) // Отечественный архив. М. 1998. № 2. С. 102–111; К.К. Избранная переписка. Спб, 1999; «Милый мой аракевец»: Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901–1915 гг. // Исторический архив. М., 2000. № 5. С. 141–162; «Находясь в здравом уме и твердой памяти...»: Духовное завещание великого князя Константина Константиновича. 1912 г. // Исторический архив. М., 2003. № 6. С. 175–186.

⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 29. Л. 63 (121).

⁵ Там же. Д. 19. Л. 57.

⁶ Там же. Д. 25. Л. 1.

оставленное в воспоминаниях его сына, Гавриила Константиновича, о том, что в кругу семьи отец был скуп на выражение чувств: «По вечерам, после обеда, отец с сигарой во рту вновь садился за письменный стол /.../ В семейном кругу он не любил говорить о своих делах, а тем более – тревогах. Когда у него бывали неприятности, он переживал их молча, “носил их в своем сердце”...»¹. Но исповедальный характер записей великого князя говорит о том, что во многом именно дневник был для него молчаливым собеседником, с которым он откровенно делился своими размышлениями. Помимо личных тайн Константина Константиновича, в дневниках присутствуют подробные описания и «внешней стороны» его жизни – быта августейших особ, официальных церемоний и военных учений, которые составляли обязательную часть службы великих князей.

Константин Константинович стремился дать своему будущему читателю представление и о политической жизни Империи. Он регулярно заносил в дневник политические новости и пересказывал диалоги с виднейшими государственными деятелями. Однако следует учитывать, что не все события, происходившие в период царствования трех императоров, нашли свое отражение в дневнике. Не принимая непосредственного участия в политической жизни, Константин Константинович черпал информацию в основном из отвлеченных бесед на политические темы. В то же время, он обладал более подробными сведениями, чем его современники, так как имел возможность общаться с императором и государственными деятелями, и часто в дневниках передавал информацию, полученную из уст участников событий. Анализ записей, освещающих политические реалии, несмотря на их фрагментарный характер, позволяет определить что волновало великого князя, а что не вызывало у него интереса, а также судить о степени его осведомленности в событиях общественно-политической жизни. Из дневников Константина Константиновича следует, что как член Династии он чувствовал на себе ответственность за судьбу России. По словам Гавриила Константиновича, «жизнь его выходила далеко за пределы семьи, основное в его жизни было вне ее. Он принадлежал России»². Поэтому великий князь должен был объяснить проживаемое им время себе и своим потенциальным читателям.

В августейшем семействе далеко не только великий князь Константин Константинович вел дневники. Однако его коричневые тетради уникальны. Они охватывают колоссальный по своему значению отрезок времени – царствования трех последних императоров, многие события, приведшие, в конечном итоге, к гибели Российской империи. Записи в них отличаются детальностью, эмоциональностью и широким охватом самых разных сторон жизни. Часто автор дневников подмечал то, что из-за краткости дневниковых записей других великих князей ускользало из их внимания. Это становится особенно заметно, если сравнить эти дневники с хорошо известными дневниками императора Николая II, записи в которых предельно лаконичны и представляют собой фиксацию событий дня. Таким образом, дневники «К.Р.» ценны еще и тем, что одни из немногих позволяют увидеть глазами члена Династии ее состояние как института власти в период падения ее значения.

Листая дневник великого князя Константина Константиновича, читатель, действительно, погружается в его внутренний мир, мир ответственного,

¹ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Воспоминания. М., 2005. С. 9.

² Там же.

собранного и, вместе с тем, романтического человека своего времени. Регулярные записи, ровный и разборчивый почерк, его искреннее сожаление, когда он не успевал взяться за перо, говорят о том, какое важное место занимали коричневые тетради в жизни Константина Константиновича. Как и для многих мемуаристов XIX в., дневники были для него не только средством самовыражения, но и возможностью донести видение окружающего мира до будущих читателей. Продолжали они и семейную традицию мемуаротворчества, которая, однако, к началу XX в. стала более формальной. Дневники «К.Р.» резко отличались от других дневников представителей династии его поколения полнотой и охватом различных проблем. Исключительное социальное положение автора, его педантичное отношение к дневникам и их нацеленность на будущего читателя делают этот источник уникальным для изучения многих аспектов истории России XIX – начала XX века.